

УДК 94(571.1/5)»19/20»

Институционализация этничности в сибирском переселенческом обществе (конец XIX – начало XX в.)¹

И. В. Нам

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск

Аннотация. В статье рассматривается процесс адаптации этнических мигрантов конца XIX – начала XX в. к новым условиям проживания в сибирском обществе, описываются стратегии и институты их самоорганизации. В последней четверти XIX – начале XX в. восточные районы России стали территорией притяжения массовых миграционных потоков добровольного и принудительного характера. Переселялись как крестьяне, так и горожане, представители разных социальных слоев, сословий, конфессий, национальностей. Адаптация к новым условиям проживания и интеграции в сибирский социум диктовала необходимость групповой консолидации, выбора в пользу диаспоральных стратегий адаптации. Успешность групповой стратегии адаптации для немцев и для евреев была обусловлена тем, что жизнь в диаспоре была для них нормой и до переселения в Сибирь. Выходцы из Прибалтики, из Царства Польского, Западного края (эстонцы, латыши, поляки, украинцы) приобретали в Сибири собственный, новый для них, опыт диаспоростроительства. Свои модели групповой самоорганизации демонстрировали трансграничные мигранты – *корейцы и китайцы*. Необходимыми элементами диаспорализации мигрантских сообществ являлось создание специфических социальных институтов, способных обеспечить успешную и безболезненную адаптацию к новым условиям проживания без утраты конфессиональной и этнической идентичности. Первоначально процессы диаспорализации развивались на конфессиональной основе. Лютеранские общины объединяли немцев, латышей, эстонцев, католические – поляков, белорусов, немцев, мусульманские – преимущественно татар (пришлых и сибирских). И только иудейская община была однородно этнической, объединяя евреев. Эти процессы развивались в условиях сословного общества, в котором конфессиональные институты были одним из формирующих его оснований. Поэтому самоорганизация мигрантов в форме религиозных общин признавалась властью необходимой и законной. Но с разложением сословного строя к началу XX в. в его недрах «вызревают» элементы новой социальной структуры. Частью этого процесса становится формирование этнической идентичности. Наряду с религиозными социальными институтами создаются светские этнокультурные организации, самостоятельное значение приобретают язык, светская национальная школа, представление об общности исторической судьбы. Процессы диаспорализации в сибирском переселенческом обществе приобретают этническую окраску. Конфессиональная идентичность вытесняется этнической. Происходит *институционализация этничности* – на смену конфессиональной общине приходит этническая. В трансформации религиозной идентичности в этническую определяющая роль принадлежала формирующейся светской элите (национальной интеллигенции).

Ключевые слова: этнические меньшинства, мигранты, диаспора, идентичность, социальные институты, стратегии адаптации, этничность, конфессиональная община.

¹Статья написана при поддержке гранта Правительства РФ П 220, № 14.В25.31.0009.

В последней четверти XIX – начале XX в. восточные районы России стали территорией притяжения массовых миграционных потоков добровольного и принудительного характера. Переселялись как крестьяне, так и горожане, представители разных социальных слоев, сословий, конфессий. За Урал устремлялись, наряду с русскими, мигранты других населяющих Российскую империю национальностей – украинцы, белорусы, поляки, немцы, евреи, латыши, литовцы, эстонцы, татары и др. Многочисленные группы пришлого нерусского населения, как постоянного, так и временного (ссылные, беженцы), составили к 1917 г. немалую часть жителей Сибири. На их долю приходилось, к примеру, около 19 % сельского населения Томской губернии: 11 % составляли украинцы, около 3 % – белорусы, чуть меньше 1 % – мордва и поляки, 0,6 % – немцы, 0,4 % – латыши, 0,2 % – эстонцы. Среди сельского населения Омского уезда Акмолинской области доля пришлых этнических меньшинств была еще выше: украинцы – свыше 40 %, немцы – 6,6 %, поляки – 0,8 %, в то время как русские составляли здесь около 30 % [28, с. 75]. На востоке России появились многочисленные этнические меньшинства из числа трансграничных мигрантов – корейцы и китайцы.

Для мигрантов было характерно преимущественно распыленное, дисперсное расселение в иноэтничной среде. Но сложились и относительно компактные анклавные образования, к примеру, украинскими и немецкими переселенцами в Омском уезде Акмолинской области и в Барнаульском уезде Томской губернии. На Дальнем Востоке самостоятельные селения были образованы украинцами и корейцами. Значительную долю составляли этнические меньшинства и в городах Сибири. Массовые миграционные процессы имели своим результатом увеличение этнической гетерогенности населения Сибири и формирование этнических диаспор.

В формировании и развитии диаспоры различают несколько стадий: выживания, образования и структурирования общины, зрелости и упадка [17, с. 40], иначе – становления, собственно диаспорального развития и угасания либо трансформации, которая чаще всего обусловлена неблагоприятными внешними факторами, в том числе государственной политикой. Феномен диаспоры предполагает ее понимание как «процесса развития от “еще недииаспоры” через “собственно диаспору” к “уже недииаспоре, причем различных типов...”» [2, с. 77–78].

Чтобы выжить в новых условиях, успешно адаптироваться в чуждой социокультурной среде, мигрантам недостаточно было рассчитывать только на собственные силы. Адаптация к новым условиям проживания и интеграции в сибирский социум диктовала необходимость групповой консолидации, выбора в пользу диаспоральных стратегий адаптации. Закономерным в условиях массовых аграрных переселений конца XIX – начала XX в. было полное или частичное воспроизводство хозяйственного уклада, социальной организации, привычного образа жизни. «Сама консервативность сельской жизни являлась мощной поддержкой групповой самоорганизации и идентичности» [11, с. 263–264].

Крайний вариант практически полного переноса («трансплантации») социальной организации и культурных норм демонстрировали *немецкие переселенцы* (лютеране, католики, в особенности меннониты) [11, с. 263]. Расселившись по Сибири, немцы сохраняли свойственные им стереотипы поведения, регламентацию жизненного уклада, отличную от других культуру труда и быта, конфессиональную специфику, национальную школу, все те черты диаспоральности, которые сложились у них еще в местах выхода. Жили они преимущественно замкнутыми колониями, обособленно. Современники отмечали, что немцы «окружающего... русского населения... сторонятся, почти никаких дел с ними не имеют», «даже рабочих держат исключительно своих и почти совсем не нанимают русских». Смешанных браков не было. Даже в этнически смешанных переселенческих поселках образ жизни колонистов характеризовался «замкнутостью и обособленностью» [6, л. 85 об., 91–91 об., 174, 196]. Поселки немцев в Кулундинской степи отличались «чистотой, прибранностью и порядком». Почти во всех селениях имелись построенные за собственный счет школы, во многих – хлебозапасные магазины, мельницы с нефтяными двигателями, на общественные средства содержались учителя, фельдшеры и повивальные бабки [35, с. 185].

Отличало немцев «настойчивое стремление» сохранить в неприкосновенности «свою немецкую национальность», «свой язык и обычаи». По свидетельствам современников, между собою немцы говорили исключительно «на своем языке», и многие, в особенности женщины, по-русски совсем не знали. Даже в волостных немецких правлениях и сельских управах разговор велся на немецком языке [6, л. 120, 121, 178]. В домашних школах, имевшихся во многих поселках, обучение детей велось только по-немецки. Исключение составляли меннониты, многие из которых владели не только немецкой, но и русской грамотой. Сравнительно высокая грамотность немцев-переселенцев была связана с их религиозными потребностями – школа должна была готовить детей к конфирмации [40, с. 49].

Отношения с окружающим населением колебались в амплитуде от отчужденных и нейтральных до «хороших», «миролюбивых» и «доброжелательных». Местные жители считали «своим долгом быть в приятельских отношениях к немцам», избирали их «единогласно в общественные должности», например в волостные судьи и в члены советов кредитных учреждений. Чиновники особо отмечали лояльность и законопослушание немецких переселенцев в отношениях с властью: «охотно подчиняются русским узаконениям», к местным властям и правительству относятся «осторожно, «предупредительно», «почтительно» и даже «с чувством благодарности за отпущенную им в надел землю в достаточном количестве, чего они были лишены в Европейской России» [6, л. 81 об., 117 об., 178, 186]. Как характерная особенность меннонитов отмечалась их склонность помогать и своим единоверцам, и русским. Когда началась Первая мировая война, «...они добровольно отправили на свои средства для нужд русского войска несколько десятков тысяч пудов пшеницы» [6, л. 185 об.]

Но перенос групповой идентичности был не единственной стратегией адаптации мигрантов к новым условиям проживания в Сибири. Процессы диаспорализации происходили и на новом месте, что было свойственно, к примеру, *евреям*. Еврейское население Сибири формировалось в течение XIX – начала XX в. преимущественно принудительно через уголовную и политическую ссылку, но была и незначительная добровольная миграция. Расселялись евреи дисперсно. Правовые ограничения в передвижении и в занятиях определяли выбор ими преимущественно городских профессий и сфер занятости – привычную для них роль «торгового меньшинства» [10, с. 10]. Обладая большим опытом торгового посредничества, евреи сумели закрепиться на торговом рынке Сибири. Другой сферой их деятельности стала золотодобыча, преимущественно мелкая, золотничная. Немало евреев сколотили в Сибири значительный капитал, заняли ведущие позиции в ряде отраслей экономики, особенно в Восточной Сибири, и были допущены в общество, несмотря на ограниченность в правах. Но ограничения в передвижении по региону пределами волости и уезда – «сибирская черта оседлости», которую евреи не могли покидать без специального разрешения, безусловно, затрудняли их адаптацию в сибирском социуме [13, с. 88]. Вместе с тем эти ограничения выполняли консолидирующую роль, объединяя всех евреев в особую группу, нуждающуюся в специальных институтах для защиты их интересов.

Формировавшееся при отсутствии устоявшейся культурной среды и традиционных институтов, консервирующих национальную жизнь, сибирское еврейское общество показало пример практически безболезненной инкорпорации в сибирскую субкультуру [13, с. 87]. Современники отмечали, что к началу XX в. «еврей в Сибири ничем не отличается от сибиряка другой национальности ни по внешнему облику, ни по образу жизни, и даже в религиозной твердыне пробита заметная брешь» [25, с. 16], объясняя это тем, что «Сибирь, со своими крупными особенностями, с исключительными требованиями, умела превратить в сибиряков безразлично инородцев и иностранцев» [21, с. 363]. Казалось, что в условиях доминирования русского языка и культуры с неизбежностью должна была произойти их быстрая ассимиляция с утратой языка, религии, традиционных занятий. Тем не менее «осибирячивание» евреев происходило без глубокой трансформации культурных норм, чему предпосылкой был выбор именно групповых стратегий консолидации. Вопреки обстоятельствам, они сформировали в Сибири устойчивые общины с эффективными механизмами внутреннего контроля, поддержки и регулирования, воспроизводства культурных норм [11, с. 263].

Успешность групповой стратегии адаптации как для немцев, так и для евреев была обусловлена главным образом тем, что жизнь в диаспоре была для них нормой и до переселения в Сибирь. Проживая компактными этноконфессиональными анклавами (евреи – в черте оседлости, немцы – в аграрных колониях в Поволжье и на юге России), они накопили к моменту переселения за Урал большой опыт проживания в диаспоре, который перенесли и в Сибирь.

Групповые стратегии адаптации, наряду с индивидуальными, избирали и другие этнические группы мигрантов, стремившиеся воссоздать в условиях

переселения элементы прежнего хозяйственного уклада и социальной организации. Выходцы из Прибалтики, Царства Польского (Привислинские губернии), Западного края приобретали в Сибири собственный опыт диаспоро-строительства, различный для каждой из этнических групп, но вместе с тем имевший общие черты.

На всем пространстве Сибири от Урала до Тихого океана были рассеяны поселения, образованные *латышскими и эстонскими крестьянами-переселенцами*. Расселялись эстонцы, как и латыши, хуторами или подворными поселениями, во многом отличавшимися от русских деревень. Селениям стремились давать названия, напоминавшие родину: эстонские – Лифляндка, Эстония, Оравская деревня, латышские – Лиепая, Курземе, Митава. Некоторые деревни получали поэтические названия – Линда (имя матери Калевипоэга в эпосе «Сын Калева»), Вамбола (главный герой одноименного популярного романа) [18, с. 44].

Переселенцы из Прибалтики отличались исключительной способностью хозяйственной адаптации в новых для них природно-климатических условиях. Известный русский экономист А. А. Кауфман писал, что в среде переселенцев встречаются такие, «которые ведут образцовое, даже и не только для своего района, хозяйство. В глухом тарском урмане мне пришлось попасть в только что за год перед тем возникшие латышские поселки: за один год латыши расчистили из-под глухого леса широкие квадраты пахотных полей – и не только расчистили, но сняли покрывавший почву густой войлок мертвой травы и мха, который, перепрев, должен был пойти на удобрение почвы... На усадьбах, кроме чистых и просторных жилых домов, у некоторых были готовы теплые хлева и сеновалы, словом, можно было вообразить себя где-нибудь в окрестностях Дерпта или в имении новгородского помещика, раздавшего землю под хутора эстонцам и латышам» [14, с. 382]. «Вместе с новыми земельными порядками и отношениями, – писал в своем отчете чиновник Сосновский, – лифляндцы, эстонцы и волынские немцы-колонисты принесли с собой в тарские урманы усовершенствованные приемы земледельческой культуры, поразительное трудолюбие, выносливость и настойчивость в работе. Благодаря такому багажу и оказанной им своевременной поддержке они в короткое время создали здесь целый ряд образцовых хозяйств, достигших уже завидного благосостояния» [23, с. 23].

Различия в языке и культуре, существовавшие между переселенцами-лютеранами разных национальностей, также сказывались на их расселении. В смешанных поселках каждая национальность имела свою улицу или «конец». Например, в деревне Ковалево Еланской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в. эстонцы жили на Вируской Большой улице, латыши – на Курнаской улице, а финны-корлаки – на Корлацком кольце. Соответственно было разделено и деревенское кладбище [18, с. 29]. Выходцы из Северной и Южной Эстонии также стремились селиться в разных населенных пунктах. Наблюдалось несколько пренебрежительное отношение лютеран, уроженцев севера Эстонии, к южанам – «сету» [19, с. 155], исповедующим православие.

Компактность расселения, культурный и языковой барьер, особенно на первых порах, препятствовали установлению хозяйственных и культурных контактов с окружающим русским населением. Сосновский отмечал, что «... между водворившимися в Тарском уезде латышами, эстонцами и немцами-колонистами знание русского языка распространяется весьма слабо и, в лучшем случае, ограничивается умением связать кое-как несколько русских фраз, либо читать по-русски без понимания смысла прочитанного» [23, с. 25].

Свои особенности имело формирование в Сибири *польской диаспоры* («полонии»), складывавшейся с конца XVIII в. преимущественно за счет политической ссылки. Особенно больших размеров ссылка поляков достигла после восстания 1863–1864 гг. в Польше, Литве и Белоруссии. Общее число высланных за участие в этом восстании достигло 36 459 чел., в том числе в Сибирь – 18 606 чел. [24, с. 10–11]. Из их числа в Тобольской губернии значилось 4 728 поляков (3990 ссыльных и 738 членов их семей) [20, с. 124]. По другим данным, всего было сослано 23056, из них 10 779 были размещены в Западной Сибири (4 861 – в Тобольской губернии и 5 918 – в Томской) [38, с. 295]. В Западную Сибирь поляков в основном направляли на водворение и жительство, в Восточную – на каторгу и поселение [32, с. 22].

В 1883 г. участникам польского восстания 1863 г. было разрешено вернуться на родину, но многие остались в Сибири. В Баженовской волости Тобольской губернии оставшиеся поляки выселились в отдельную деревню и назвали ее по имени бывшего тобольского губернатора Деспот-Зеновича, много сделавшего для облегчения положения ссыльных поляков. В Бутаковской волости тогда же был основан выселок Поляки, в Седельниковской волости ссыльные поляки вместе с переселенцами из западных губерний России заселили деревни Вознесенку и Богдановку [15, с. 99]. Но все же попытки сибирских властей посадить ссыльных поляков на землю успеха не имели.

Наиболее крупные колонии поляков складываются в городах, где создаются очаги польской культуры, вокруг которых концентрировались как ссыльные, так и добровольные переселенцы. В первую очередь это были большие семейные дома, ставшие «настоящей пристанью для земляков». Встречи в «польских домах», празднование именин, национальных и религиозных праздников, совместное проживание и ведение хозяйства – эти многочисленные примеры позволили польским исследователям предположить, что сосланные в Сибирь в XIX в. поляки проявили склонность к консолидации и самоорганизации. Впечатляющим примером этого стали землячества и общества вспомоществования, в их числе наиболее известные и организованные забайкальский и иркутский «ogóły» [26, с. 360–361]. Такие сообщества кроме социальной защиты выполняли еще одну важную функцию – помогали сохранению конфессиональной и этнической идентичности («польскости»). Уставы организаций, регламентирующие поведение ссыльных в сибирском социуме, были направлены на исключение возможности влиться в общество сибиряков, «пустить корни» на чужбине. Как вспоминал сосланный на каторгу в Нерчинский завод Ю. Ручинский, на одном из собраний землячества «Ogółwugnańców» было решено не вступать ни в какие контакты с местными

дамами, поскольку такое общение «в крае диком и заполненном бродягами было небезопасно и даже угрожающе» [30, с. 129].

В конце XIX в. происходит качественное изменение сибирской колонии за счет роста добровольной миграции. В Сибирь ехали чиновники, коммерсанты, военные. Со строительством Транссибирской магистрали в регионе оказалось много инженеров-путейцев и квалифицированных рабочих [29]. Кризисная ситуация, сложившаяся в 1905–1907 гг. в Домбровском угольном бассейне, вызвала стремление к переселению в Сибирь части населения этого региона, которое направлялось в Иркутскую губернию – «Новую Польшу», как называли ее шахтеры. Польских переселенцев привлекало то, что в районе Черемхово имелись значительные залежи угля, а одним из владельцев шахт был поляк инженер Игнатий Собошанский, который нанимал на работу главным образом поляков [22, с. 248–251].

Сложившись в Сибири и компактные польские поселения, основанные добровольными крестьянами-переселенцами в начале XX в. Так, в Акмолинской области выходцами из Витебской губернии была основана деревня Андреевка, из Люблинской губернии – Александровка, из Гродненской – Малиновка. В Енисейской губернии выходцы из губерний Царства Польского образовали 9 селений, в Иркутской губернии – 10. В Томской губернии крестьянами из Седлецкой губернии были основаны села Сухоречье и Кузовлево, из Волынской – Новопокровское, из Гродненской губернии – Белосток, 13 польских селений входили в Спасский приход, 3 – в Каинский, 14 – в Боро[ко]вский [22, с. 252–253]. Рядом с селом Белосток возникли польские деревни Андреевка и поселок Ломницкий в Семилужской волости, Петропавловка и Полозово – в Молчановской [39, с. 130].

Самую большую группу этнических эмигрантов составляли *украинцы*. Государство рассматривало украинцев (и белорусов) в качестве стратегического резерва расширения русского имперского ядра на востоке страны. К 1917 г. украинцы составляли на территории Сибири и Дальнего Востока 9,4 % (в том числе на Дальнем Востоке – 21,7 %) населения. В ряде губерний и областей их доля была особенно высокой: в Приморской области – 48,2 %, в Амурской – 43,2 %, в Акмолинской – 29,5 %, в Томской – 7,7 % всего населения [28, с. 54]. Сотрудники общеземской организации, обследовавшие в 1909 г. состав населения Дальнего Востока, установили, что основное его ядро составляют малороссы: «Коренного великорусского населения очень мало... И без большой ошибки можно сказать, что Приморская область представляет вторую Украину со значительной примесью белорусов» [38, с. 70]. Южные территории Дальнего Востока, где концентрация украинских переселенцев была особенно высока, получили название Зеленый Клин, юга Западной Сибири и Северного Казахстана – Серый Клин¹.

Свои модели групповой самоорганизации и взаимоотношений с принимающим обществом и властью демонстрировали трансграничные мигранты –

¹Первоначально клином украинцы называли земельный надел, а к концу XIX в. так стали называть украинские колонии к востоку от основной территории Украины – Жёлтый Клин (среднее и нижнее Поволжье), Малиновый Клин (Кубань).

корейцы и китайцы. Корейская диаспора в России ведет свое начало с 1863 г., когда первые 13 семей появились в Южно-Уссурийском крае. К переселению побуждала неблагоприятная социально-экономическая и политическая ситуация на родине, сложившаяся в результате кризиса и разложения феодально-монархического режима династии Ли. К началу XX в. численность мигрантов из Кореи на Дальнем Востоке составляла примерно 30 тыс. человек [34, с. 54–55]. После Русско-японской войны массовое оставление родины корейцами, поощряемое японскими властями, становится массовым. На Дальнем Востоке образовалась густая сеть корейских поселений разной степени компактности. Корейское население Приморской области концентрировалось во Владивостоке (Корейская слобода), в Посъетском участке, в окрестностях Никольска-Уссурийска и озера Ханка, в Сучанской долине и на Амуре [12, с. 72]. В Уссурийском крае насчитывалось свыше 30 селений, из них 22 входили в состав Посъетского участка, выделившись в самостоятельную Янчихинскую волость. Четыре деревни относились к Суйфунскому участку, также образуя отдельную волость. Остальные деревни входили в состав русских волостей. Много корейцев проживало отдельными фанзами в русских деревнях [31, с. 63]. Новым толчком к усилению миграции явилось неудавшееся восстание в Корее 1 марта 1919 г. Перепись 1923 г. зафиксировала на русском Дальнем Востоке уже 106 тыс. корейцев [1, с. 8].

Способом выживания в чужеродной этнической и культурной среде было общественное самоуправление корейцев, основывавшееся на свойственных им традициях общинности и корпоративности. Одним из первых было общество «Сек-Чжон-Кон-Сен-Хой» («Благотворительное общество среди трудящихся»), возникшее в 1900 г. в Благовещенске, которое решало все дела своих членов, не исключая уголовных преступлений. Те же функции самоуправления и нравственного совершенствования выполняло общество молодых «Мен-Сен», организованное в 1907 г. [28, с. 94]. Функции самоуправления и благотворительности осуществляли общества «Кукминхве» (Корейское национальное общество) и «Квонопхве» (Общество развития труда), имевшие отделения во всех местах сосредоточения корейцев.

В отличие от корейцев, которые покидали родину, как правило, безвозвратно, китайцы были временными трудовыми мигрантами. Большинство из них были сезонными отходниками, пребывание остальных в России ограничивалось несколькими годами. Поэтому стремления к глубокой интеграции китайцы не проявляли, оставаясь вне социальной структуры принимающего общества. Тем не менее китайские мигранты не были аморфной, не связанной между собой массой людей. Это было именно сообщество, «община, пронизанная густой “грибницей” норм, связей, сетей отношений и зависимостей, формальных и неформальных институций» [11, с. 268]. При всех различиях трансграничные мигранты избирали диаспоральные стратегии адаптации.

Масштабные миграционные переселения начала XX в. имели своим результатом достижение «критической массы» – необходимого условия образования целостного социального организма – диаспорной общины. Происходит структурирование мигрантской массы, появляются специфические социаль-

ные институты, складывается социальная стратификация общины [11, с. 45–48]. Появление носителя определенных культурных традиций («общины-анклава») становится ведущим инструментом взаимодействия личности с окружающей средой и залогом сохранения прежней идентичности.

Диаспора всегда институционализована, ее обязательным признаком является наличие организационных форм (институтов), направленных на сохранение идентичности – конфессиональной, этнической, языковой. Первоначально процессы институционализации диаспоры развивались на конфессиональной основе. В крупных городах и административных центрах Сибири, селениях с компактным проживанием этнических мигрантов возникали приходы и открывались храмы практически всех традиционных для России конфессий – костелы, кирхи, синагоги, молельные дома, мечети. Прошения об их открытии, как правило, не встречали противодействия властей, поскольку духовные лица были «облечены доверием государства и вовлечены в сферу воспитания законопослушных граждан империи» [13, с. 89]. Эти процессы развивались в условиях общества, где конфессиональные институты были одним из формирующих его оснований. Поэтому самоорганизация мигрантов в форме религиозных общин признавалась властью необходимой и законной [11, с. 264–265]. Это были именно конфессиональные, а не этнические общины. Лютеранские общины объединяли немцев, латышей, эстонцев, католические – поляков, белорусов, немцев, мусульманские – татар, как пришлых, так и местных сибирских. И только иудейская община была однородно этнической, объединяя евреев. Принадлежность к православию украинцев и большей части белорусов затрудняла выбор ими групповых стратегий адаптации и диаспорализации.

Религиозные общины являлись не только центрами духовной жизни, это был и социальный институт, выполнявший интегрирующую функцию в диаспоре – «институт взаимопомощи, школа самоуправления, культурный очаг» [17, с. 39]. В системе общинных институтов ключевая роль принадлежала церкви, которая создавала инфраструктуру для обслуживания нужд общины – религиозные, благотворительные, культурные, образовательные организации. Религия была «носителем и маркером групповой идентичности, языка, культуры, общей истории..., механизмом связи с исторической родиной» [11, с. 263].

До конца XIX в. жизнедеятельность переселенческих сообществ в Сибири концентрировалась преимущественно вокруг традиционных конфессиональных институтов. Обращение к традиции – закономерный этап развития диаспоры, свидетельство ее численного укрепления и развития. На этой стадии община как социальный организм противостоит разрушительным для нее воздействиям социальной среды, выполняя функции сохранения этнокультурной идентичности и воспитания лояльности к принимающему обществу [17, с. 46, 53]. Но с разложением сословного строя к началу XX в. в его недрах вызревают элементы новой социальной структуры. Частью этого процесса становится формирование этнокультурной идентичности. Наряду с конфессиональными социальными институтами

создаются светские этнокультурные организации, самостоятельное значение приобретает язык, возникает национальная школа, формируется представление об общности исторической судьбы. Процессы диаспорализации в сибирском переселенческом обществе приобретают этническую окраску. Происходит институализация этничности – «вызревание этнических диаспор... как культурного феномена» [11, с. 266].

На первый план выходит светская, современно образованная элита – учителя и преподаватели, журналисты, профессура, лица свободных профессий, предприниматели и чиновники. Новая элита, в отличие от традиционной, самоопределяется «не столько через религию, сколько через культуру, воспринимая и религию как часть культуры» [11, с. 266]. Именно светская элита становится носительницей национальных чувств и национальной (этнической) идентичности. Набиравшие силу процессы конструирования наций и рост национальных движений в России стали еще одним фактором, оказавшим влияние на процессы этнизации диаспоральных институтов. Большая роль принадлежала в этих процессах политическим ссыльным, которые привнесли в жизнь сибирских общин «политику».

Вслед за Европейской Россией в Сибири возникают светские культурно-просветительские организации, основной задачей которых было национальное просвещение. Воспитание национальных чувств «в духе обычаев и нравов еврейского народа» было главным направлением деятельности Общества распространения просвещения между евреями (ОПЕ) и Еврейского литературного общества, отделения которых были созданы в Томске и Иркутске. В мае 1914 г. в Томске открылась первая в Сибири библиотека-читальня ОПЕ, в ноябре 1915 г. – курсы для взрослых евреев, в декабре 1916 г. – Общество ремесленного труда. Для сплочения и объединения еврейских организаций в Томске планировалось организовать еврейский народный дом [2; 21]. Евреи втягиваются и в национально-политическую жизнь, особенно заметной была деятельность сионистов, которые занимали ключевые позиции в этих организациях и провели два съезда: в 1903 г. в Томске и в 1912 г. в Иркутске. При всем многообразии политической ориентации еврейские партии имели близкий взгляд на проблему решения еврейского вопроса в России: самоуправление в форме экстерриториальной автономии на основе либо традиционной (ортодоксы), либо светской (социалисты) еврейской общины.

Культурно-просветительские организации, создаваемые католиками, также приобретают этнический характер, что отражается уже в их названиях: польско-литовское «Огниво» в Иркутске и польское общество «Ognisko» («Очаг») в Омске. В 1916 г. в Новониколаевске стала издаваться на польском языке еженедельная газета «GłosSiberji» («Голос Сибири»), но вскоре она была закрыта, ее направление было признано вредным, угрожающим государственному порядку. Вместо нее с октября 1916 г. предполагалось издание на русском языке газеты «Новониколаевский листок», цель которой обозначалась как ознакомление «русской публики» с польским вопросом, «обслуживание общественных нужд поляков» [28, с. 89–90].

Стремление к консолидации в целях сохранения этнической идентичности и этнокультурной самобытности и к самоорганизации в этих целях демонстрировали представители формирующейся украинской интеллигенции. При Томском императорском университете было организовано «Украинское землячество», занимавшееся решением различных проблем, с которыми сталкивались студенты-украинцы, приехавшие для учебы в Томск [7]. В 1908 г. здесь была сделана попытка создания кружка «Просвіты» «для ознакомления» его членов «с историей развития и современного положения Малороссии». В числе «легальных основателей» кружка были профессор Томского университета И. А. Малиновский, доктор Балтовский, инженеры Сидоренко и Жмых [5, л. 24]. Но летом 1908 г. Сенат санкционировал отказ в регистрации украинской «Просвіты» Полтавским губернским присутствием, мотивируя его тем, что поставленная этим обществом цель – помощь культурно-просветительному развитию местного украинского населения – включает в себе сепаратистские настроения и может привести к нежелательным последствиям [8, с. 343]. Поэтому инициатива томичей одобрения властей не получила. Образовавшийся в 1916 г. «украинский гурток» в Красноярске был вынужден «скрываться под сенью общества трезвости» в качестве одной из его подкомиссий [37]. Разрешение на легальную деятельность украинцев на Дальнем Востоке было получено только в Благовещенске, где в 1911 г. был утвержден устав «Украинского клуба» [36, с. 17–18; 41, с. 22–24].

В развитии культуртрегерской деятельности национальной интеллигенции власти увидели угрозу государственной целостности России. Циркуляром МВД от 20 января 1910 г. за подписью П. А. Столыпина был наложен запрет на создание национальных организаций. Указывалось, что такие общества «ведут к усугублению начал национальной обособленности и розни и потому должны быть признаны угрожающими общественному спокойствию и безопасности». Местным властям рекомендовалось «при обсуждении ходатайств о регистрации... инородческих обществ, в том числе украинских и еврейских, ... в каждом отдельном случае подробно останавливаться на вопросе о том, не преследует ли такое общество вышеуказанных задач и в утвердительном случае неукоснительно отказывать в регистрации их уставов». Одновременно предлагалось «тщательно ознакомиться с деятельностью уже существующих инородческих обществ и в подлежащих случаях возбудить установленным порядком вопрос об их закрытии» [33, л. 11–11 об.] На основании этого циркуляра летом 1911 г. было закрыто Еврейское литературное общество в Петрограде и 120 его отделений, вместе с ними томское и иркутское, одновременно с украинскими и польскими организациями, за «побуждение» «узкого национально-политического сознания и усиление национальной обособленности».

Обращает на себя внимание особая пристрастность власти к деятельности организаций, направленных на формирование украинской идентичности, поскольку украинское движение рассматривалось не только как угроза государственному единству страны, но и касалось формирования пространства единой русской нации – проект «большой русской нации», включавший ве-

ликороссов, украинцев и белорусов. С подозрением относилась власть и к активизации либерального крыла мусульманского движения – джадидизма. Прогрессисты-джадидисты боролись за широкое самоуправление мусульман в России в вопросах вероисповедания, просвещения, брачного, семейного и наследственного права. Общества мусульман-прогрессистов, действовавшие в Томске, Тобольске и Омске, сыграли заметную роль в распространении грамотности и просвещения среди местных татар. В 1910 и 1911 гг. было отказано в регистрации Общества распространения образования среди мусульман (татар) в Томске под предлогом, что общество стремится «обособить свою деятельность для развития мусульманского населения на почве «исключительно националистических интересов». В 1913 г. местные власти вновь отказали в ходатайстве представителей мусульманского населения города об учреждении мусульманского общества под тем предлогом, что такие общества «преследуют культурно-просветительные цели на национальной почве... и ведут к национальному обособлению и розни» [28, с. 91–92].

Активизация национально-культурной и политической деятельности велла к перемещению центра тяжести жизни в диаспоре от религиозных учреждений к светским организациям, которые брали на себя функции, принадлежавшие ранее церкви. Из накопленного опыта диаспорализации логически вытекала необходимость создания организационных структур, объединяющих все диаспоральные институты. Такую возможность предоставлял институт национально-персональной (культурной) автономии, широко обсуждавшийся общественно-политической мыслью России. Первая мировая война, в особенности социальные потрясения, вызванные революциями 1917 г. и Гражданской войной, радикально ускорили процессы диаспорализации на этнической основе. Идея национально-персональной автономии из сферы публицистики переходит в область политической практики. Выраженное стремление к созданию национального самоуправления на этой основе проявилось в еврейских политических кругах, в мусульманском движении. В Сибири оно было поддержано областниками. В Дальневосточной республике национальным общинам украинцев, корейцев, евреев и татар было предоставлено право на национально-культурную автономию конституцией республики [28].

Советская власть не могла не учитывать масштабности процесса диаспоризации на институциональной этнической основе и на первых порах способствовала их развитию, полностью оторвав от конфессиональной составляющей. Этничность была взята за основу переформатирования государственного устройства. Дальнейшие превратности политического развития начиная с середины 1930-х гг. привели, как казалось, к полному разрушению диаспорных институтов – церкви, школы, культурно-просветительных организаций и благотворительности. Однако в условиях глобальных социальных трансформаций рубежа XX и XXI вв., сопровождавшихся массовыми миграционными процессами, это чрезвычайно актуализировало проблему групповых стратегий адаптации и диаспорализации переселенческих сообществ.

Список литературы

1. *Аносов С. Д.* Корейцы в Уссурийском крае / С. Д. Аносов. – Хабаровск ; Владивосток : Кн. дело, 1928. – 91 с.
2. *Арутюнов С. А.* Диаспора – это процесс / С. А. Арутюнов // Этногр. обозрение. – 2000. – № 2. – С. 74–78.
3. *Гончарова Е. З.* Деятельность «Общества для распространения просвещения между евреями в России» в Томске на рубеже XIX–XX веков (по материалам периодической печати) / Е. З. Гончарова // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. – Красноярск, 2007. – С. 67–82.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 600. Оп. 1. Д. 97. Л. 1; Ф. 600. Оп. 1. Д. 856
5. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 216.
6. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204.
7. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2485^а.
8. *Грушевский М. С.* Очерк истории украинского народа / М. С. Грушевский. – Киев : Лыбидь, 1991. – 398 с.
9. *Дятлов В. И.* Диаспора как исследовательская проблема / В. И. Дятлов // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. 6–8 окт. 1994 г. – Иркутск, 1994. – С. 9–15.
10. *Дятлов В. И.* Евреи: диаспора и «торговый народ» / В. И. Дятлов // Сиб. еврейский сб. – Иркутск, 1996. – № 2. – С. 6–14.
11. *Дятлов В. И.* Механизмы адаптации представителей мигрантских меньшинств в переселенческом обществе востока позднеимперской России / В. И. Дятлов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2012. – № 2(3), ч. 1. – С. 263–269.
12. *Загоруйко А. В.* Корейцы на российском Дальнем Востоке (1863–1938 гг.) / А. В. Загоруйко // Народы Сибири. – Кн. 3 (Сиб. этногр. сб. № 8). – М., 1997. – С. 57–117.
13. *Кальмина Л. В.* Диаспоры в Сибири: закономерности и особенности интеграции (середина XIX – начало XX в.) / Л. В. Кальмина // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 17–18 нояб. 2008 г.). – Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2008. – С. 86–90.
14. *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация / А. А. Кауфман. – СПб. : Обществ. польза, 1905. – 443 с.
15. *Колесников А. Д.* О национальном составе населения Омской области (Исторический процесс формирования населения Среднего Прииртышья в этническом и национальном отношении) / А. Д. Колесников // Материалы к третьему научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. – Омск, 1966. – Вып. 1. – С. 88–104.
16. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919 / Л. А. Кутилова, И. В. Нам, Н. И. Наумова, В. А. Сафонов. – Томск : Изд-во ТГУ, 1999. – 298 с.
17. *Левин З. И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ) / З. И. Левин. – М. : Ин-т востоковедения РАН ; Крафт, 2001. – 176 с.
18. *Лоткин И. В.* Прибалтийская диаспора в Сибири. История и современность : учеб. пособие / И. В. Лоткин. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2003. – 164 с.
19. *Майничева А. Ю.* Бытовая культура эстонцев Сибири (конец XIX – первая треть XX в.) / А. Ю. Майничева // Диаспоры. – 2002. – № 3. – С. 153–164.

20. *Макаров А.* Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского / А. Макаров // Ежегодник Тобол. музея. – Тобольск, 1915. – Вып. 26. – С. 81–124.
21. *Максимов С. В.* Сибирь и каторга. В 3 ч. Ч. 1 : Несчастные / С. В. Максимов. – СПб., 1871. – 459 с.
22. *Масярж В.* Миграция польских крестьян в Сибирь в конце XIX – XX веке / В. Масярж // Сибирь в истории и культуре польского народа. – М. : Ладомир, 2002. – С. 241–254.
23. Материалы по истории немецких и меннонитских колоний в Омском Прииртышье. 1895–1930 / сост. П. П. Вибе. – Омск : ОГИК музей, 2002. – 448 с.
24. *Митина Н. П.* Во глубине сибирских руд / Н. П. Митина. – М. : Наука, 1966. – 144 с.
25. *Моравский В.* Сибирские евреи и конституция / В. Моравский // Сиб. вопр. – 1909. – № 35. – С. 15–19.
26. *Мулина С. А.* Коллективные стратегии адаптации поляков в Сибири / С. А. Мулина // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. – Иркутск : Оттиск, 2011. – С. 358–366.
27. *Нам И. В.* Деятельность обществ распространения просвещения среди евреев в Сибири (1910–1917 гг.) / И. В. Нам // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность / под ред. Я. М. Кофмана. – Красноярск ; Биробиджан, 2003. – С. 156–160.
28. *Нам И. В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.) / И. В. Нам. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. – 500 с.
29. *Наумова Н. И.* Поляки-железнодорожники в освоении Транссибирской магистрали (первая четверть XX в. / Н. И. Наумов // Человек – текст – эпоха: сб. науч. ст. и материалов. – Вып. 3. Социокультурные аспекты освоения Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. – С. 142–159.
30. *Оплаканская Р. В.* Землячества поляков в Сибири как фактор сохранения национальной идентичности в условиях иной этнокультурной среды (первая половина XIX в.) / Р. В. Оплаканская // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2004. – С. 123–137.
31. *Панов А.* Желтый вопрос в Приамурье / А. Панов // Вопр. колонизации. – 1910. – № 7. – С. 53–116.
32. *Пяткова С. Г.* Польская политическая ссылка в Западную Сибирь в пореформенный период : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. Г. Пяткова. – Омск, 2004. – 30 с.
33. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1341. Оп. 405. Д. 615. Л. 11–11 об.
34. *Рыбаковский Л. Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет / Л. Л. Рыбаковский. – М. : Наука, 1990. – 138 с.
35. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии: материалы по исследованию переселенческих хозяйств, собранные и разработанные под руководством и редакцией В. Я. Нагнибеда. – Томск, 1913. – Вып. 1. XXVIII, 115. – 29 с.
36. *Свит И. В.* Украинский Дальний Восток (Зеленая Украина). Ч. 2 / И. В. Свит. – Харбин, 1934. – 43 с.
37. Свободная Сибирь. – Красноярск, 1917. – 2 апр.

38. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – М. : Новое лит. объединение, 2007. – 368 с.
39. Ханевич В. А. Белостокская трагедия (из истории геноцида поляков в Сибири) / В. А. Ханевич. – Томск, 1993. – 190 с.
40. Черказьянова И. В. Влияние переселенческих процессов на становление немецкой школы в Сибири / И. В. Черказьянова // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М., 1998. – С. 145–158.
41. Черномаз В. А. Национально-культурное развитие украинского населения Дальнего Востока в начале XX в. / В. А. Черномаз // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX веке. – Владивосток, 1999. – С. 17–34.
42. Этномиграционные процессы в Приморье / А. С. Ващук [и др.]. – Владивосток : ДВО РАН, 2002. – 228 с.

Institutionalization of Ethnicity in Siberian Resettlement Society (late XIX – early XX Century)

I. V. Nam

Tomsk State University, Tomsk

Abstract. The article considers the adaptation of ethnic migrants to new living conditions in the late 19th and early 20th centuries in Siberian society: what strategies were chosen and what institutions of self-organization were created to help immigrants adapt. In the last quarter of the nineteenth and early twentieth centuries Eastern areas of Russia became a place of attraction for mass migration flows having voluntary and forced nature. Both peasants and city dwellers, representatives of different social strata, classes, confessions, and ethnicities, started resettling. The need to adapt to new living conditions and to get integrated into the Siberian society made group consolidation and diaspora-oriented strategies of adaptation necessary. The success of group adaptation strategies for Germans and Jews was due to the fact that living in diaspora had been the norm for them even before resettling to Siberia. People descending from the Baltic States, the Kingdom of Poland or the Western region (Poles, Ukrainians, Estonians, and Latvians) acquired their own and yet new for them experience in building their diasporas in Siberia. Cross-border migrants – the Koreans and the Chinese – demonstrated their own models of group self-organization. A necessary element of diaspora building in migrant communities was the creation of specific social institutions capable ensuring successful and painless adaptation to new living conditions without losing religious or ethnic identity. Originally, diasporas were built on religious basis. Lutheran communities included Germans, Latvians, and Estonians; Catholic communities attracted Poles, Belarusians, and Germans; Muslim communities incorporated mainly the Tatars (Siberian ones as well as newcomers). It was only the Jewish community that remained ethnically homogeneous, bringing together the Jews. These processes occurred in the context of an estate society in which religious institutions were a part of basic ground. Therefore, the authorities considered self-organization of migrants within religious communities as necessary and legitimate. However, with the decay of the estate system by the early twentieth century, elements of a new social structure “matured” in its core. Part of this process was the formation of ethnic identity. Along with religious social institutions there were created secular ethno-cultural organizations; language, secular national school, and the idea of common historical destiny all gained significance. Building Diasporas in the Siberian resettlement society acquired ethnic overtones. Religious identity was replaced by

ethnic one. Institutionalization of ethnicity took place and religious communities were replaced by ethnic ones. Decisive role in the transformation of religious identity into ethnic one was played by the emerging secular elite (national intelligentsia).

Keywords: ethnic minorities, migrants, diaspora, identity, social institutions, adaptation strategies, ethnicity, confessional community.

Нам Ираида (Ирина) Владимировна
доктор исторических наук,
профессор, кафедры современной
отечественной истории
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
тел.: 8(3822)534354
e-mail: namirina@bk.ru

Nam Iraida (Irina) Vladimirovna
Doctor of Sciences (History),
Professor, Department
of Modern Russian History
Tomsk National Research
State University
36, Lenin av., Tomsk, 634050
tel: 8 (3822)534354
e-mail: namirina@bk.ru